

моря с илистым дном, напоминающим наш Финский залив в районе Комарова. В первый же день отпуска я поднялся высоко в скалистые, удивительного сине-тёмного цвета горы, и оттуда, оглядывая морские дали, увидел, как с крылом-парашютом, при помощи лямок и ремней, крепившимся к плечам, а длинным металлическим гибким тросом — к быстроходному катеру, люди по очереди, довольно охотно поднимались в воздух и, увлекаясь дальше судном, примерно, на высоте сорока метров как бы парили в поднебесье, словно ширококрылые, белоснежные чайки, пока с помощью медленно скручивающегося троса не опускались обратно в катер.

На следующее утро я уже стоял в довольно длинной очереди желающих, так сказать, покататься на парашюте. Когда подошла моя очередь, я с начальником морских развлечений, хорватом средних лет, с чёрными, как южная ночь, коротко подстриженными волосами, с широко открытыми, цвета спелого тёмного винограда, глазами, кожей с ног до шеи африканской черноты загаром, приветливо улыбающимся и, в отличие от меня, прекрасно говорившем на немецком языке, поздоровался и, мучительно вспоминая когда-то в школе выученные немецкие слова, с трудом, но договорился, конечно, не без серьёзных денег, что при катании по нему он раскрутит лебёдку на всю длину троса — сто метров! И — своё слово хорват сдержал!

Господи! до чего же невероятное ощущение радости испытываешь душой на высоте, пусть и буксирный посторонней силой. Какой-то сверхмощной свежестью наливаются, как арбузы соком, руки, ноги и плечи! Сердце сладко замирает, особенно когда не смотришь вниз. Хочется страстно петь, неважно что, но — петь или слагать стихи! И ты — поешь страстно, залившись, как ранней весной поутру, в тальниковой тенистой роще сладкогласный соловей! Встречный шелковистый ветер, напоенный запахами моря и просоленного насквозь, как добытая осенью рыба на целую зиму, треплет начинающие седеть русые волосы и, подхватывая на лету слова песни, уносит их куда-то далеко-далеко над синеватым, слегка колыхающимся морем. Вдруг, вспыхнув в мозгу, душу как током пронзают стихи: «Я забывал земные куши, / когда с восторгом в небеса / взлетал за катером ревущим / и целых добрых полчаса / парил над бездной морскою, / седой от пены волн крутых, / вдалеке уносящих за собою / и утлый челн, и свежий стих. / И — гордо ликовало сердце, / и силой наполнялась плоть. / Должно быть, так своё бессмертье / когда-то ощутил Господь. / Трос парашютный напрягался, / струной гитарной звенел. / И я в пространстве растворялся, / и забывал, что я — летел».

Когда до конца оплаченного «полёта» оставалось несколько минут и я сверху увидел, что хорват готовится включить лебёдку на скручивание гудеющего от напряжения гитарной струной стального троса, я быстро несколькими точными движениями рук к ужасу хорвата и к изумлению публики, следящей от делать нечего за мной, освободился от парашютного крыла, и, широко разведя руки и ноги, как чайка свои сильные крылья, уронил тело параллельно земле и, опираясь о воздух, подхвативший мощным ветровым потоком самым настоящим образом, пусть и по касательной, но полетел навстречу неминуемо приближающейся, вздымающейся белогривыми, вихрстыми волнами морской стихии. Скорость снижения почти не увеличилась — и я мог несколько секунд всем своим существом ощущать себя огромной ширококрылой птицей, парящей в небе. Это физическое и душевное состояние словами не передать! Скажу только, что под ветровой свист, словно величественное звучание органа, в ушах, со слезами на глазах упоения своей решимостью, я был, как никогда, счастлив. Но при этом ни на мгновение не ослабил внимания за полётом. Где-то за двадцать-тридцать метров от поверхности моря я мгновенно перегруппировал тело так, чтобы войти в волны в виде штопора с крепко прижатыми к низу живота руками и натянутыми, как струна, ногами. И вошёл, больно ударившись ступнями о воду. К счастью, в этом месте глубина моря оказалась большой, и это позволило мне избежать столкновения с дном.

Достаточно хорошо владея всеми способами плавания, я без всяких проблем вынырнул и, оглядевшись, увидел несущегося ко мне на своём быстроходном прогулочном катере хорвата, нервно машущего мне руками и с кричащим, искажённым ртом. Понятно, что он невольно считал себя виновным в случившемся, ведь, действительно, мог и трос лопнуть, и могла сломаться пружка крепления крыла-парашюта, за исправность которых он отвечал. Не знаю, уволили или нет бедного, ни в чём не повинного хорвата курортные власти, но в своём объяснении специально созданной комиссии я написал всё, как было на самом деле, то есть по совести взял полностью вину на себя за казавшийся многим хорватам невероятный, но легкомысленный полёт.

Вечером в уютном рыбном ресторане, построенном на небольшом скалистом полуострове, выступающем далеко в море, но недалеко от центра курортного городка, немного успокоившаяся жена Светлана, посмотрела в мои синие глаза, слегка опьяневшие от сухого белого вина и всё ещё светящиеся счастьем от чувств, пережитых мной в полёте, и прекрасно зная мой неугомонный характер, жаждающий экстрима, как, наверно, наркоман новой дозы яда, со слезами на своих больших, немного грустных от природы, так мной любимых глазах, каким-то почти безнадёжным, сдавленным голосом спросила:

— Родной, ну сколько можно мучить меня? Если тебе не жалко себя, то пожалей своих дорогих дочерей... и меня, наконец!

Я, взяв её тёплую тонкую изящную ладонь в свои горячие огнём руки и, нежно-нежно помотав ей в глаза, ответил:

— Знаешь, я бы тоже хотел, чтобы этот мой неожиданный для всех полёт был последним твоим испытанием. И я, конечно, постараюсь подтвердить свои слова... Но Господь так милостив ко мне неспроста. Может быть, только потому, что я живу — на разрыв артерии! Понимаешь, — живу, а не существую! И люблю в жизни — жизни! И буду её любить даже в смерти!

Ринат МУХАМАДИЕВ

Капризуля

рассказ-быль

Наконец-то! Сбылась мечта: мы встретим Новый год, нежась в лучах солнца, стоящего в зените, и купаясь в волнах тёлого моря!

На календаре было двадцать пятое декабря. День уже клонился к закату, когда микроавтобус доставил нас в городок Камал и остановился во дворе гостиницы. Один из корпусов распластался у крошки моря, возле пляжа, а остальные ярусами — на холмах, над небольшой аккуртаньской бухтой. Только мы с женой порадовались тому, что жить будем в двух шагах от моря, как наша семилетняя дочка Зулейха вдруг закричала. Я изумился: в жизни такого не бывало! Наверное, девочка устала от долгого перелёта.

— Нет, — упрямилась Зулейха, — там вода близко, я так не хочю!

— А никто никого и не спрашивает. Где поехали, там и будем жить, — отрезал я, не оставляя места спорам.

— Из такой дали приехали, доченька, не затем, чтобы по горам карабкаться, — попытался образумить Зулейху мама. — По морю соскучились.

— А я на горе хочю, — упёрлась девочка, — на втором, а ещё лучше — на третьем ярусе (и когда только успела слово поддешить)

— Доча, — я поглядил капризницу по спине, — может, какого-нибудь сладкого сока попьём? Что-то пить захотелось.

— Не хочю сока! Хочю жить высоко, на третьем ярусе! — отрезала она.

— А папа с мамой на берегу хотят! Так что большинством голосов вопрос решён! Зулейха уже чуть не плачет:

— И не уговаривайте, всё равно я возле моря спать не буду!

Мама, занявшая мою сторону, пошла на хитрость:

— Доченька, там, наверху, уже всё занято, потому нас возле моря и поселили...

Но доча стояла на своём. С одной стороны подойдём, с другой подступимся — не можем переубедить, никаких сил уже не осталось! Растерялись мы с женой. Наверное, потому, что подобные капризы в новинку: никогда дочка себя так не вела! Всегда спокойная, покладистая. Даже младенцем хлопот особых не доставляла — и вот на тебе! Вокруг народ стоит, все смотрят. Неловко. Хоть и не понимают, о чём разговор, но видят: капризничает девочка, норов свой демонст-

рирует. А на людях и голоса на неё не повысишь, не прикрикнешь.

К нам подошла наблюдавшая за этой сценой тайская девушка — видно, решила помочь.

— Туристы из Советского Союза... извините, из России, всегда просят поселить их ближе к морю. Но если желаете, мы можем предоставить вам номер в верхних ярусах.

— Вот видите, она говорит, что есть там места! — подхватила Зулейха.

Нынешние-то дети английскую речь с колбы слышат, вот и дочка — то, что ей нужно, сразу поняла.

Я ответил обычным «сенкью!», а жена (она по-английски говорит довольно бойко) сказала:

— Мы ещё немного подумаем, посоветуемся и что-нибудь решим...

— У нас в Таиланде ребёнку в просьбе никогда не отказывают, — улыбнулась девушка.

— Да-да, разумеется... — закивал я, но добавив, мол, у нас в России точно так же поступают, совесть не позволила. А ведь ещё дома предупреждали: «Ребёнка там на людях не ругайте, сразу всякое уважение окружающих потеряете».

Девушка ещё раз улыбнулась и отошла. Мы остались втроём.

— Зулейха, больше никакого телевизора, надо прекратить это безобразие, — решительно взяла я на себя роль главного семейного законодателя.

— Нет, — насупилась дочь, — это не из-за кино, я моря боюсь.

— Так ведь ты не в первый раз на море! До этого же не боялась!

— Раньше не боялась, а сейчас боюсь!

— А почему?

— А нечего... Спать возле воды боюсь. Хочу жить наверху.

— Ладно, тогда сделаем так. Ты этой ночью в доме наверху поспишь, а мы с мамой на берегу. Договорились?

— Нет, и вы со мной, — девочка стояла на своём.

— Ну, довольно, — я уже начинал злиться, — только людей смеем! Где поселили, там и устроимся, — решительно взял в руку дорожную сумку. Зулейха подбежала ко мне, вцепилась в руку. Смотрю — а у дочки глаза полны слез.

— Папочка, послушай меня... — губки дрожат, — пожалуйста...

Никогда я у неё такого взгляда не видел!

— Ничего не подлаешь, — вздохнула жена. — Ради того, чтобы раз искупаться, будем по лестницам ходить.

Служащая отеля, та самая девушка, поняв, что мы уступили девочке, не сдержалась и широко улыбнулась. А Зулейха, успокоившись, схватилась за самый большой чемодан, готовая тащить его навёрх.

На следующий день в восемь утра у нас была запланирована ознакомительная поездка по острову. Оплатили мы её заранее, и ехать или не ехать — об этом даже разговора не могло быть. Но наша капризница-дочка и тут взяла инициативу в свои руки:

— Я нигде не хочю! — заявила она.

— Нет уж, доча, — сказал я, — вчера мы с мамой тебя послушали, сегодня ты нас послушай.

— То на автобусе, то на самолёте, я устала. Давайте тогда уж не сегодня.

— Зулейха, надо же остроту увидеть, а поездку никто из-за нас откладывать не станет. И

вдруг вспомнил: «К морю не ходи, возле бассейна меня подожди, ладно, папа?» — дочкин голос отчётливо звучал в ушах. Наверное, ждёт. А может, пошла меня искать, не нашла и вконец расстроилась. Я поспешно выбрался из воды, быстрым шагом пересёк пляж и, перепрыгивая через ступени, побежал вверх по лестнице.

— Папа, смотри, море назад побежало, из берегов уходит! — услышал я голос. Поднял голову — оказывается, Зулейха даже на улице не вышла, стоит на балконе второго этажа и оттуда кричит.

Я взбежал наверх и уже там, на смотровой площадке возле детского бассейна, посмотрел назад. И не поверил своим глазам. Море, нежное, ласковое, которое так заворочило меня буквально минуту назад, стремительно убежало от берега. Купальщики стояли на обнажившемся песке и изумлённо смотрели, как всё дальше и дальше к горизонту открывается дно. Самые непоседливые даже побежали следом, пытаясь догнать убегающую воду. Резвившаяся на песке детвора бросила

свои дела и зашлёпала по оставшимся на берегу лужицам.

В наступившей тишине раздался истошный вопль. Я увидел, что смотритель пляжа, худой таец, чёрный и морщинистый от ветра и солнца, носится враз-вперёд, крича что-то. А никто его слов не понимает. Тогда он схватил прут и давай хлестать ребятшек, женщин, мужчин — кто попадётся, жёсткими показывая, что надо бежать подальше от берега. Но опята его никто не слушает. Видно, безотчётно смотрителя за игру какую-то приняли, а потом и злиться начали: уж не сумасшедший ли этот туземец? Да нет, вчера он точно был нормальным — мягкий, приветливый человек. Мы с ним, хоть языка друг друга и не знаем, поговорили без труда. Зовут его Зайнул — имя знакомое, должно быть, мусульманин...

И тут я заметил: на море появилась небольшая волна, которая, стремительно вырастая и поднимаясь, мчалась к берегу. Чем ближе подходила, тем выше поднималась, а когда достигла берега, из-под неё вдруг с рёвом выскочило огромное чёрное чудовище, вскинулось до самого неба и обрушилось на остров Пхукет, на дома его, на улицы. Я зажмурился. Открыл глаза, увидел, что исчезло всё: дома, деревья, бежавшие по дороге внизу легковые машины, автобусы... Цунами, словно чудовищный змей, подкрался под водой, разом проглотило всё... Вода пеннлась, пузырилась, собиралась в водовороты, кружила вырванные с корнем огромные деревья, сорванные крыши домов, столы, стулья — всё, что захватила на берегу и на улицах города Камал...

И снова стало тихо. Не только на берегу, но и на улицах не видно было ни души. Что случилось? Сон это? Явь? Где утопавшие в цветах дома? Куда подевались гостицы? Ничего не понимаю... И тут я с ужасом увидел, что от корпуса на берегу, где мы должны были поселиться, остался один остров. Следующей мыслью было: а автобус, на котором собирались отправиться в поездку по острову, что с ним? (Позднее мы узнали, что он обратно не вернулся).

Только когда сзади подбежала Зулейха и обняла меня, я вздрогнул и очнулся. Схватил свою капризулю, сжал в объятиях, из глаз брызнули слёзы, в горле встал ком... А потом взгляд упал на море. И я снова парализовался: лодки, что шли под парусами, так и покачивались на мягких волнах, словно ничего не случилось. Но тут заметил на одном из деревьев странное тёмное пятно. И быстро отвернулся: это было застрявшее в ветвах тело Зайнула...

Я, конечно, поступил по-своему. Взял три полотенца, расстелил их на лежаках возле самой крошки океана. Осторожно подошёл, потрогал воду ногой: удивительная вода, тёплая, ласковая. Постоял какое-то время, на лазурную гладь полюбовался, на корабли, большие и маленькие, на парусники, что плыли, будто и не касаясь поверхности моря. Вот бы и жить здесь, подумал я, в вечном лете и вечном покое. Уже по колено вошёл в воду, как